

Л. М. Бондарева

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Ф. ИЛЬЕСА «GENERATION GOLF ZWEI»

15

В качестве исходного тезиса констатируется факт существования объективной и субъективной форм времени. Средства экспликации субъективного времени в литературе рассматриваются на материале текста романа современного немецкого писателя Флориана Ильеса «*Generation Golf zwei*». В этом автобиографическом произведении автор с изрядной долей самоиронии создает психологический портрет своего поколения, определенного им как «поколение “гольф”» в соответствии с его ценностными ориентирами. Ровесники писателя, молодость которых пришла на 1990-е гг., обладают особым восприятием объективного времени, обусловленным социально-политической и экономической ситуацией в Германии. Установлено, что основными способами языковой репрезентации субъективного времени в романе являются, помимо традиционных темпорально окрашенных маркеров, метафора ВРЕМЯ – РЕСУРС и метонимия ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ в их различных текстовых модификациях. Одним из наиболее важных событий в жизни поколения становится 11 сентября 2001 г. – день теракта в торговом центре Нью-Йорка, знаменующий начало выхода немецкого общества из состояния духовной спячки и переход в режим нового измерения исторического времени.

*This article is based on the postulate that there are objective and subjective forms of time. I consider means to explicate subjective time in literature, using the novel *Generation Golf zwei* by the contemporary German author, Florian Illies. In this autobiographical novel, Illies goes heavy on self-irony to draw a psychological portrait of his generation, which he calls the ‘golf generation’ and thus emphasises what values it holds. The author’s contemporaries, the youth of the 1990s, have a peculiar perception of objective time, shaped by the then socio-political and economic situation in Germany. I conclude that, in the novel, subjective time is usually expressed linguistically by not only traditional temporal markers but also various textual modifications of the ‘TIME – RESOURCE’ metaphor and the ‘TIME – EVENT’ metonymy. An important landmark in the life of the generation was September 11, 2001, the day of the terrorist attack on the World Trade Centre in New York. That day heralded a transition of German society from spiritual hibernation to a new mode of measuring historical time.*

Ключевые слова: субъективное время, поколение «гольф», метафора ВРЕМЯ – РЕСУРС, метонимия ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ, 11 сентября 2001 г.

Keywords: subjective time, golf generation, ‘TIME – RESOURCE’ metaphor, ‘TIME – EVENT’ metonymy, 9/11.

Время как константа человеческого бытия всегда являлось предметом повышенного внимания и всестороннего осмысления не только в научной области, но и в сфере художественного творчества. На сего-

дняшний день существуют многочисленные концепции и модели времени, которые основаны на различных подходах к трактовке данного феномена [4; 5; 7; 8; 10; 14; 17]. Однако в любом случае исходным пунктом при интерпретации концепта времени следует считать тезис о необходимости разграничения времени *объективного*, то есть онтологического, физического, и времени *субъективного*.

Субъективное время, называемое также перцептуальным, гносеологическим или психологическим, оставляет след, согласно О.Ю. Медведевой, в человеческой и культурной памяти вместе с погруженными в него событиями [9, с. 6; см. также: 1–3; 13; 18]. Ощущаемая нами временная протяженность любого события, как подчеркивает Ю.В. Спицына, является субъективной оценкой количества времени, не зависящей от объективных условий протекания этого события [12, с. 7]. Достаточно образно данную мысль выразил американский лингвист У.Э. Булл: время – это то, что быстро уходит, когда мы становимся старше, и что, как кажется, совершенно не движется, когда нам приходится ожидать нужного сигнала светофора; время длится долго, если наша голова находится под водой, и оно же будет кратким перед окончанием летнего отдыха [15, р. 4].

Как очевидно, именно индивидуально-личностное восприятие всех изменений, происходящих с человеком и обществом, лежит в основе процесса концептуализации времени, способствующего формированию концептуальной картины мира каждого субъекта познания.

С появлением христианства время стало традиционно трактоваться в качестве величайшей духовной ценности (метафора *ВРЕМЯ – ДАР БОЖИЙ*), однако в ходе развития европейской цивилизации вместе с отходом от христианского мировоззрения постепенно происходит «овеществление» времени, что приводит к появлению новой концептуальной метафоры *ВРЕМЯ – РЕСУРС* (подробнее см.: [6, с. 270–304]).

Отношение современного человека к времени как предмету пользования находит свое адекватное отражение во многих литературных произведениях. Наглядным примером может служить роман немецкого писателя Флориана Ильеса «*Generation Golf zwei*» (2005), первая часть которого под названием «*Generation Golf*» вышла в 2000 г. Ильес создал полный самоиронии портрет своего поколения, молодость которого пришлось на богатые яркими событиями 90-е гг. XX в. На рубеже тысячелетий ровесники писателя оказались в состоянии глубокого духовного кризиса, потеряв свой жизненный курс в результате отказа системы социальной «навигации» в эпоху политической и экономической нестабильности в мире. О потребности современников в системе поиска собственного пути и одновременно об отсутствии у них четкого представления о том, что же все-таки следует искать, автор говорит в следующем фрагменте романа:

...ich weiß nur, dass wir uns für unser Leben ein Navigationssystem oder besser noch eine Suchmaschine... wünschen, die ganz viele Treffer zum eingegebenen Suchbegriff ausspuckt. Doch natürlich müssen wir erst einmal wissen, was wir suchen [16, S. 28].

Свое поколение, обладающее особой жизненной философией, писатель именуется «поколением “гольф”», отсылая к предмету вождения большинства представителей этой возрастной группы – популярной марке немецкого автомобиля «Фольксваген гольф». Стремление получить как можно больше материальных благ, ставшее практически целью существования ровесников автора, сохраняется у них и на жизненном этапе, связанном с преодолением первого «возрастного кризиса» в 2000-е гг.

Как указывает Ф. Ильес, этот кризис, переживаемый 25–35-летними людьми и именуемый в соответствии с активной американизацией жизни немецкого социума *Quarterlife Crisis*, может служить единственным оправданием полного бездействия и растерянности его друзей и знакомых в условиях переизбытка материальных благ и безграничных открывшихся возможностей:

Es gibt offenbar seit kurzem ein zweites einschneidendes Ereignis in jeder Biographie der nach 1965 Geborenen. Endlich wurde ein Name für jene Ratlosigkeit gefunden, die nicht durch zu viele, sondern durch zu wenige Widerstände entsteht, für jene Erschöpfung, die einen beschleicht, weil man nicht weiß, wofür man eigentlich kämpfen soll. Wenn man kapituliert vor der Fülle der Möglichkeiten... Wenn man alles darf. Was ganz schön anstrengend ist. Das Phänomen heißt Quarterlife Crisis. Es kommt natürlich aus Amerika. Und: Es klingt gut [16, S. 27–28].

Согласно философии представителей этого поколения, личное время является таким же материальным ресурсом, как и все окружающие их атрибуты реальной действительности, поэтому оно должно быть использовано с максимальной пользой для себя. Однако, как следует из текста романа, обращение ровесников автора с собственным временем носит достаточно амбивалентный характер. С одной стороны, на фоне отсутствия подлинных жизненных ценностей люди порой не знают, чем они могут заполнить существующий в ситуации «общества потребления» избыток свободного времени. С неприкрытым сарказмом автор описывает встречи своих друзей, жены которых ведут многочасовые дискуссии на тему «Как жить дальше, если в супермаркетах популярной торговой сети H&M продаются женские пижамы только с детским рисунком?». Отсутствие желаемого именно в этих магазинах рассматривается женщинами поколения «гольф» как проявление глубокого экономического кризиса, обсуждению которого следует уделять достаточно много личного времени:

Plötzlich begannen die Frauen... darüber zu diskutieren, warum es bei H&M eigentlich nur Pyjamas mit Snoopys drauf gibt... Sie haben völlig die Orientierung verloren. „Ich würde so gerne nachts mal was Vernünftiges anziehen, aber bei H&M gibt es ja nur noch Pyjamas mit Snoopys drauf“, jammerte Carolin.

...Eine ganze Generation von jungen Frauen wünscht sich vernünftige Pyjamas ohne Snoopys drauf – und niemand geht auf sie ein. Kein Wunder, dass wir immer tiefer in die Wirtschaftskrise geraten... [16, S. 10–11].

Не менее актуальными ровесникам писателя представляются постоянные многочасовые разговоры о выборе места проведения новогодних праздников и обо всех сопровождающих эти праздники мало-значущих мелочах. При этом языковым индикатором переживаемого периода времени становится характерная лексема *Weihnachten*, вытеснившая номинацию прежних лет *Silvester*. Как отмечает Ильес, Рождество уже давно превратилось в «праздник вопросов» (*ein Fest der Fragen*), что привело к появлению нового словесного темпорально маркированного ритуала, выполнение которого требует определенных временных затрат:

18

Was man an Heiligabend essen wolle, wann man mit dem Studium fertig sei, was man am ersten Feiertag essen wolle, ob man eine Freundin habe, was man seinem Patenkind geschenkt habe, was man am zweiten Feiertag essen wolle und ob man denn eigentlich wirklich schon wieder so früh abreisen müsse. Doch irgendwie wurden diese Fragen dann irgendwann wie Weihnachtsbaum und Kirchbesuch zu einem festen Bestandteil des Rituals, und wenn eine ausblieb, vermisste man sie fast [16, S. 12].

Таким образом, при интерпретации времени в качестве личного ресурса современного человека автор прибегает к описанию различных, но по своей сути бессмысленных вариантов времяпрепровождения представителей поколения «гольф».

С другой стороны, его друзья оказываются способными и на более разумное обращение с собственным временем, что, впрочем, следует расценивать как дань современной социальной моде. Почти у всех из них на специальном стенде (*Pinnwand*) висят списки «Что нужно сделать» — популярные «*To-Do*»-*Listen*, в которых каждая очередная вычеркнутая позиция должна служить подтверждением продуктивности и эффективности прожитого дня. В романе Ильеса автобиографический герой так описывает данную ситуацию:

Das war wieder so ein Tag. Ich hatte mir eigentlich ganz fest vorgenommen, ihn zu einem besonders produktiven werden zu lassen. Zu einem, an dem ich am Abend zehn lästige Dinge auf meiner „To Do“-Liste genüsslich durchstreichen kann... [16, S. 36].

Характерно, что в тексте встречается целый ряд синонимичных номинаций, референциально соотносящихся с упомянутым списком приоритетных каждодневных дел: *Liste offener Punkte (LOP)*, *Aufgabenliste*, соответствующие английские заимствования *Getting Things Done (GTD)*, *Mind Map* (нем. *Gedächtniskarte*).

Как очевидно, этот атрибут отражает реалии жизненного уклада не только поколения «гольф» в Германии, но и всего мирового сообщества, ориентированного на использование модных в современных условиях принципов тайм-менеджмента для эффективности управления личным временем.

Следует подчеркнуть, что, поскольку во всех рассмотренных примерах речь идет о временной составляющей жизни «гольфовцев», в

этих текстовых фрагментах функционируют лексемы темпоральной семантики, представленные главным образом соответствующими существительными (напр., *Leben, Quarterlife Crisis, Ereignis, Biographie, Generation, Feiertag, Abend, Tag* и пр.).

Далее при исследовании особенностей языковой репрезентации субъективного времени в романе Ильеса отдельного внимания заслуживают эпизоды, в которых в качестве способа такой репрезентации служит метонимия *ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ*.

Вполне понятно, что индивидуальная темпоральная картина мира каждого человека формируется в ходе восприятия и переживания им отдельных событий его собственной жизни, так или иначе связанных с жизнью социума. Для представителей поколения «гольф» в молодости одним из судьбоносных событий, равносильным факту рождения, являлось окончание школы как момент преодоления самого решающего барьера на жизненном пути, после чего вся жизнь должна была измениться коренным образом. Однако, констатирует автор, в жизни современных молодых людей, имеющих иную систему временных ценностей, подобные вехи личной биографии не играют важной роли:

Auf jeden Fall sind jetzt unweigerlich die Zeiten vorbei, als man noch krampfhaft glaubte, nach biographischen Einschnitten im gleichmäßigen Lauf der Dinge suchen zu müssen. Und sich deshalb so begeistert „Abi 1988“ – und „Abi 1995“ – Aufkleber an die Scheibe des ersten eigenen Wagens klebte. Damals hatte man das Gefühl, nun sei, nach der Geburt, endlich das zweite für den Lebenslauf relevante Datum erreicht. Als hätte man die entscheidende Hürde im Leben genommen [16, S. 25].

Логично предположить, что любое событие в нашей жизни становится звеном в целой цепочке взаимосвязанных предыдущих и последующих фактов и явлений. Подобные хронологически структурированные цепочки событий формируют определенные временные периоды, которые в тексте романа получают свои наименования в соответствии с субъективным характером концептуализации действительности автобиографическим повествователем.

Так, период кратковременного экономического подъема в Германии после общего ухудшения ситуации в конце 1990-х гг. Ильес определяет как переход от «времени Кати Риман» к «времени Франки Потенте», то есть в своей неизменно иронической манере автор берет за точку отсчета важных для немецкого общества процессов периоды кратковременной популярности двух немецких киноактрис:

Erst nachdem die Katja-Riemann- in die Franka-Potente-Zeit übergegangen war, kam es zu einem kleinen Wirtschaftsaufschwung. Aber leider ging dann auch der durch die Straßen rennenden Lola irgendwann die Luft aus. Ende Potente [16, S. 68].

В качестве лингвострановедческого комментария следует отметить, что Катя Риман была известна еще советскому зрителю по фильму «Он снова здесь», в то время как Франка Потенте стала звездой кинематографа благодаря боевику «Беги, Лола, беги», вышедшему на экраны в 1998 г.

Свое наиболее яркое воплощение метонимия *ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ* находит в целом ряде фрагментов романа Ильеса, связанных с глобальным событием, которое повлияло на ход мировой истории, – террористическим актом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В мировом сознании, как указывает Н. В. Рунова, данное событие явилось «границей между прошлым и будущим, точкой отсчета новой жизни». Не случайно эта метонимия, пишет автор, стала чрезвычайно продуктивной в английском языке, способствуя формированию различного рода производных, напр.: «*Generation 9-11 – the generation of people who were enrolled in high school or university on September 11, 2001*» [11, с. 354].

В жизни поколения «гольф» день 11 сентября 2001 г. знаменует конец эпохи «счастливого неведения», заставивший ровесников писателя встряхнуться и выйти из духовной спячки:

Doch dann kam der 11. September. Und damit das Ende jenes Zustandes, der in Aldous Huxleys Roman *Schöne neue Welt* "Happy Ignorance" heißt: das Glück, unbeteiligt zu sein [16, S. 105].

Автобиографический герой упоминает в одном из эпизодов фотографии, сделанные им вместе со своими друзьями на крыше того самого торгового центра в Нью-Йорке – городе, с которым «гольфовцы» в атмосфере вышеупомянутой американизации жизни в Германии связывают все свои планы личной самореализации. Именно в силу данного обстоятельства теракт исламистов обозначал вторжение мира суровой реальности в их достаточно далекую от этой реальности картину мира:

Ich sitze auf dem Sofa und sehe mir meine Fotos aus den vergangenen Jahren an. Es gibt auch ein paar, die oben auf dem World Trade Center entstanden sind... Was für ein schreckliches Gefühl, dass es das Gebäude, auf dessen Dach wir einmal standen, nicht mehr gibt...

Wir mussten uns eingestehen, dass uns dieser Anschlag so traf, weil es ein Anschlag auf New York war, auf die Stadt, auf die wir all unsere Träume von Selbstverwirklichung projizieren... Es war also auch ein Angriff auf uns selbst... so sickerte am 11. September die Welt hinein in unser Weltbild [16, S. 103–104].

Событие-дата «11 сентября» становится маркером нового субъективного восприятия представителями поколения «гольф» объективного времени, трансформирующегося для них из поры относительно беззаботного и несколько пресного существования в эпоху потрясений, политических кризисов и локальных войн:

Der Irakkrieg zeigt nun auch uns Europäern, dass mit dem 11. September ein neues Zeitalter begonnen hat. Das Makabre ist, dass dieser Feldzug den 11. September noch tiefer in unser aller Bewusstsein einbrennen wird [16, S. 107];

ср. также: ...in den Tagen nach dem 11. September...;

...als Reaktion auf den 11. September...;

...so hat der 11. September ...;

...das vielleicht Traurigste am 11. September...

В контексте интерпретации языковой репрезентации времени в книге Ильеса знаменательно звучит утверждение повествователя о том, что 11 сентября, обозначившее наступление в жизни поколения «гольф» этапа необходимости принимать самостоятельные решения, не было просто «несчастливым случаем на производстве» в сфере истории. Вполне очевидно, что в данном высказывании объективное, историческое время опредмечивается и метафорически переосмысливается автором как гигантская система механизмов, один из которых внезапно отказал:

Der 11. September war kein Betriebsunfall der Geschichte, sondern wirklich der Beginn von etwas Neuem [16, S. 42–43].

21

Подводя итоги нашего исследования, резюмируем, что феномен субъективного времени получает свое воплощение в тексте романа Ф. Ильеса не только в темпорально маркированной лексике, которая референциально соотносится с личностно коннотированными реальными параметрами объективного времени и органически присуща любому тексту автобиографического характера. Определенную роль в семантической структуре произведения играет метафора *ВРЕМЯ – РЕСУРС*, обусловленная прагматизированным характером восприятия объективного времени ровесниками писателя. Сам автор и его современники осознают необходимость максимально эффективного использования данного ресурса, однако в реальности распоряжаются им порой достаточно небрежно в условиях материального изобилия и духовного застоя.

Достаточно важной в процессе концептуализации времени, отраженном в книге о судьбах поколения «гольф», является метонимия *ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ*. В основе изображаемой событийности лежит индивидуальное мировидение автора, формирующееся в рамках процесса его субъективной когнитивной деятельности. При этом дата-событие «11 сентября» маркирует переломный момент в темпоральной картине мира не только писателя и его сверстников, но и всего мирового сообщества, начавшего отсчет эпохи очередного обострения межгосударственных и межнациональных отношений.

Список литературы

1. Бекишева Е. В. Репрезентация категории времени в медицинской терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №2/3. С. 52–59.
2. Бондаренко Е. В. «Модель времени» как инструмент анализа дуальной сущности времени, реализованной в языке и дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №3. С. 59–65.
3. Гилева Е. П. Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
4. Дарбанова Н. А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2010. №10. С. 50–54.
5. Дударева З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «время» в русской и башкирской языковых картинах мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.

6. *Заботкина В.И., Коннова М.Н.* Изменения в концептосфере времени: когно-лингвокультурологический подход // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками : монография. М., 2012. С. 270–304.

7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

8. *Лебедько М.Г.* Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

9. *Медведева О.Ю.* Концептуализация и актуализация темпоральных отношений (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

10. *Михеева Л.Н.* Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

11. *Рунцова Н.В.* Время в русском и англо-американском публицистическом дискурсе сквозь призму метонимии // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками : монография. М., 2012. С. 351–357.

12. *Спицына Ю.В.* Актуализация временных и пространственных значений в художественном тексте (на материале произведений Т.С. Элиота и англоязычных романов В. Набокова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

13. *Ушакова И.Б.* Концептуальный анализ прилагательных с темпоральными признаками «прошлое», «настоящее» и «будущее» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002.

14. *Assmann A.* Zur Metaphorik der Erinnerung // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt a/M, 1991.

15. *Bull W.E.* Time, tense and the verb. A study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish. Berkeley ; L. A. ; L., 1971.

16. *Illies F.* Generation Golf zwei. München, 2005.

17. *Maier H.* Zeiterfahrung und Zeichen der Zeit // Zeichen der Zeit: Erkennen und Handeln. Innsbruck ; Wien, 1998.

18. *Schmidt S.J.* Gedächtnis – Erzählen – Identität // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt a/M, 1991.

Об авторе

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

The author

Dr Lyudmila M. Bondareva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru